

Глава 1

*Naer het leven*¹

Ян Ван Эйк

Эдуард заглянул в дом матери и оставил ей записку. Поднялся к началу широкой улицы Меир. С неба упорно сыпал мелкий блестящий дождичек. Он вошел в величественное здание антверпенского вокзала, приехал в Париж, приехал в Рим. Стоял май. Воздух был легок и ласков. Он перекусил, повидался с Ренатой в бутике на Виа дель Корсо, позвонил Пьеру в Париж, нанял машину, приехал во Флоренцию к часу ночи.

Он шагал вслепую, осторожно поднялся по ступеням. Пересек террасу, вдохнул запах старого, мокрого, уже растерявшего лепестки жасмина и холодного айоли², внезапно ощутил голод, отпер дверь ключом, который дала ему Франческа. Тихонько вошел в спальню, раздел-

ся в темноте. Опустился на колени у постели, откинул простыни. Заговорил с нею шепотом:

— Подвинься. Это я. Я тебя люблю.

Он приподнял ей волосы, поцеловал в шею, поцеловал в ложбинку спины. К нему вернулся теплый аромат этого тела, которое так любил, а с ним воспоминание о солнце, о теплой соленой влаге.

— Кто здесь?

— Это Вард.

— Дуардо? Ты поел?

— Спи! Спи, Франческа!

Он скользнул в постель, прижался к ней, приник бедрами и ногами к ее разгоряченному телу. Она сильно вздрогнула. И сама потянулась навстречу его телу. В глубине постели нога Франчески все еще искала дно в пучине ее недавнего сна, стараясь удержать странные, обитавшие там формы, стараясь вернуть объявшее их безмолвие, и свет, и мерцающие краски, и наслаждение — все, что вдыхало в них жизнь.

Потом Эдуард приоткрыл губы, коснулся поцелуем шеи молодой женщины, ее плеч. Запустил пальцы в волосы Франчески. И уснул.

В пять часов утра он встал. Оставил в постели спящую Франческу. Позвонил в Нью-Йорк, где намеревался купить магазин. Прикинул, что там

должно быть сейчас одиннадцать вечера. Он больше не хотел ни помещения в сорок квадратных метров на Хаустон-стрит, ни другого, в семьдесят квадратных метров, в Сохо. Как не хотел и сделки с Маттео Фрире. В конце ночи голос его звучал неуверенно, временами слегка подрагивая. Ему было холодно. Он спросил, не давала ли о себе знать его тетка, Оттилия Фурфоз. Или, вернее, не давала ли о себе знать Оттилия Шраддер. Он старательно назвал оба имени по буквам. Собеседник — там, в Нью-Йорке, — как ему послышалось, зевал, листая бумажки, ему явно хотелось спать. Нет, произнес голос. Никакая мисс Оттилия, или мисс Шраддер, или мисс Фурфоз ни разу не дала о себе знать. Внезапно Эдуарду стало досадно до слез. Его тетка Оттилия жила в Сиракузах, штат Нью-Йорк. Она воспитывала его, когда он был совсем маленьким, в конце сороковых годов, целых шесть лет — в Париже, на площади Одеон. И снова его пронзила мысль, что она больше не любит его. Глухая печаль завладела им при этой мысли. Он сидел и чистил апельсин; под оранжево-багровой шкуркой таилась вторая — замшево-нежная, беловатая подкладка. Он приотворил дверь спальни. Вгляделся в темноту. Франческа еще спала и, похоже, глубоким сном. Он доел апельсин, сидя в белом железном кресле на террасе, под еще робким солнцем.

Внезапно он решил навеститься в мастерскую Антонеллы. Встал, подошел к «хонде», маленькому японскому автомобильчику, взятому напрокат. Миновал восточное предместье и, не доезжая Понтасееве, припарковался возле двух автозаправок, неизменно накрытых с самого утра тентами, намокшими от росы, розовым над первой, желтым над второй. Вошел в маленький, не больше двадцати метров, дворик, расположенный ниже гаражей, позади склада вин и оливкового масла. Антонелла работала одна. Ей было лет тридцать. Красавица родом из Милана, белокурая, очень худая, со странно замедленными движениями. В ней чувствовалось что-то болезненное — быть может, виной тому был неподвижный взгляд карих глаз того особого, гранатового оттенка, каким отливают скорлупа каштанов, или мрачноватая серьезность и нелюбовь к разговорам. Он поцеловал ее в обе щеки. Она никогда не отвечала тем же. У нее были точно такие волосы — белокурые тяжелые пряди, какие он видел у одной женщины редкой красоты; он постоянно встречал ее на набережной Анатоля Франса, а последний раз — всего два дня назад, на улице Сольферино, выходя из своего центрального офиса. На среднем пальце женщина носила массивное, слишком широкое кольцо с багряным рубином-кабошоном. Руки у нее были изумительные.

Эдуард взглянул на руки Антонеллы, на ее пальцы, покрытые пятнами краски, плохо отчищенной или крепко въевшейся в кожу. Некоторые ногти у Антонеллы были черными, другие — зелеными. Она писала миниатюры на раковинах, на рюмках для яиц и еще на зеркалах. Ее работы отличались несравненной точностью. Она могла изобразить весь земной шар, за исключением разве что Корсики или Фолклендских островов, на деревянном, из ясеня или граба, яйце для штопки. Она согласилась работать для него, ибо почитала величайшим счастьем возможность втайне реставрировать, возвращать к жизни старинные вещи, утратившие возраст и практическое назначение; она вкладывала в свой труд почти абсолютный, изысканный вкус. В мастерской стоял невыносимый, удушливый запах. Эдуард спросил, как поживает ее маленькая дочка. Антонелла не ответила. Она ушла в глубину мастерской и вынесла оттуда две заводные игрушки Фернана Мартена — «Учительницу» 1888 года и «Знаменитого адвоката» 1905 года. Он присмотрелся: работа Антонеллы была совершенно незаметна. Она всего лишь просверлила заново рессоры и прикрепила их к шпильке оси механизма. Он подумал: «Она заменила шестеренки». Поднял глаза: Антонелла снова исчезла.

Она неторопливо вернулась, неся очаровательную куклу Леона Казимира Брю, сделанную в 1855 году; Антонелла восстановила разбитые руки куклы с необычайно широко растопыренными пальчиками. Здесь реставрация также была сделана невероятно бережно. Отныне эта кукла займет почетное место среди лучших в мире: ее румяное личико с бездонным взглядом выражало печальное сочувствие, холодное сочувствие автомата.

— Это потрясающе, Антонелла!

Она подняла глаза на Эдуарда Фурфоза.

— От меня... подарок, — сказала она.

— Да.

Он вынул бумажник, положил его на верстак. Антонелла работала на двух огромных плотничьих верстаках. Запах остывшей рыбьей чешуи — вареной или пережженной и остуженной — мало-помалу захватывал обоняние и отдавался болью в голове. Эдуард отсчитал купюры. Помимо соблазна хорошего заработка — а Эдуард Фурфоз платил ей очень щедро, особенно за секретность и эксклюзивность, которых требовал взамен, — Антонелла явно питала подлинную страсть к работам, которые он ей поручал. Она не разговаривала. При каждом появлении Эдуарда она что-нибудь дарила ему.

Она вернулась с каким-то предметом, завернутым в пожелтевшую страницу римской «Месаджеро». Что-то неразборчиво буркнула. Медленно протянула ему пакетик. Он улыбнулся ей. Внезапно она стала красной, пламенно-красной, точно пизанский кармин, красной, как карминовая шкурка апельсина, съеденного несколькими часами раньше. Он с удовольствием смотрел на нее. Потом с тем же удовольствием начал неторопливо разворачивать газету.

Постепенно Эдуард высвобождал из газетной бумаги крошечного человечка из крашеной жести. Он даже застонал от восторга. Это была игрушка фабрики «Ингеп» начала тридцатых годов — жестяной Шарло³ с телефоном — желто-синяя фигурка с торчащим в бок ключиком. Эдуард завел игрушку. Синяя рука Шарло, держащая телефонную трубку, лихорадочно задержалась с противным тихим скрежетом. Эдуард терпеть не мог звуки. Ему была ненавистна сама мысль о музыке. Он поморщился.

— Ты, — сказала она.

— Это я?

— Ты.

Он расцеловал ее, протянул ей лиры.

Эдуард сидел на холодном железном стуле, лицом к Арно, и усердно жевал кусочек миндаля-

ной нуги. Он уже выпил две чашки кофе. Если вдуматься, Эдуард Фурфоз весьма трепетно относился к собственным удовольствиям. Он любил детей, срезанные цветы, солнце, горькие названия темных сортов пива, теплую одежду, миниатюры на пуговицах и игрушечные машинки. Верил, что существует некая связь между душами младенцев, что без стеснения кричат во все горло, и душами взрослых, чьи черты уже начинали сковывать страх смерти и молчание. И этот хрупкий мост между двумя границами существования и столь различными свойственными им потребностями был предметом всех его забот. словно он силился не потерять последний отзвук безжалостной, разрушительной страсти. Его не покидало чувство, что сохранение или восстановление этого волшебного моста составляет единственное драгоценное достояние того, что люди привыкли именовать судьбой.

От сладкого у него ныли зубы, и он был счастлив. Вот уже полчаса, как он расстался с Антонеллой. Эта игрушка из раскрашенной жести, ее подарок, грела ему душу. Он отыскал на стоянке японский автомобильчик, взятый напрокат. У него еще оставался в запасе целый час, нужно было как-то убить время. Он медленно катил по шоссе. Солнечный свет был таким ярким и жгу-

чим, что у него разболелись глаза. Стоял май. Он подумал: а не купить ли очки для защиты глаз от солнечных лучей? И тут же устыдился этого желания отгородиться от красоты мира. Он слишком рано приехал во Флоренцию, где должен был встретиться в отеле с Маттео Фрире. Добрался до набережной Арно. Перед Библиотекой свернул на пьядца Пьяве, припарковался рядом с магазином. Сошел вниз по лесенке и, едва переступив порог, окунулся в холод, перестал видеть, угодил во тьму, подобную ночной. Мало-помалу его глаза привыкли к полумраку двух просторных залов с округлыми сводами, к красоте слабо подсвеченных витрин. Франчески здесь не было. Вероятно, она оставила бутик на попечение двух продавцов — Лауры, Марио. Марио было ровно столько же лет, сколько Эдуарду. А именно сорок шесть. Но выглядел он лет на пятнадцать моложе. Эдуард мимоходом подумал: такой ли уж он хороший продавец, как утверждает Франческа?

Эдуард прошел в заднее помещение магазина. Он бережно отодвинул на другой край стола три маленькие полураспакованные коробочки. В первых двух покоились на слое ваты две египетские жертвенные статуэтки периода Среднего Царства⁴, шести сантиметров высотой, трогательные своей размытой мягкостью облика.

В третьей лежала миниатюра на нефрите эпохи императора Мураками⁵. Он отыскал свободное место для своего блокнота и попытался — впрочем, безрезультатно — дозвониться в Париж Пьеру Моренторфу. Тогда он позвонил в Брюссель, на площадь Гран-Саблон; Франк оказался на месте, в магазине, и ответил ему. Эдуард сказал, что принял решение. Зимой он поедет в Нью-Йорк. А пока нужно найти другое помещение. Бутик в Нью-Йорке следует открыть как можно скорее. Это будет уже шестой его магазин. И семья наконец поймет его. Ибо после Брюсселя, Парижа, Рима, Флоренции и Лондона такое событие станет подлинным триумфом. И поистине королевской мезью. Вот когда смешки и мелкие шпильки антверпенских родственников прекратятся навсегда.

На прощанье он поцеловал Лауру. Выходя из магазина, он вдруг заметил великолепную деревянную красно-серую куклу-паяца под именем Пиноккио. У него вспыхнуло лицо. Гнев душил его. Он вскричал:

— Кто это написал? Снимите немедленно! Вы не имеете права!

И Эдуард ткнул пальцем в угол витрины, в черную табличку, на которой золотыми буквами, по-итальянски и по-английски, значилось:

ПИНОККИО

Середина XIX века

Он просто задыхался от ярости. Проорал, что в середине XIX века на земле еще не существовало никакого Пиноккио. Что это значит издеваться над клиентами. Что это значит наддувать клиентов.

От злости он начал заикаться. Он был смешон в своем гневе. Марио, набравшись храбрости, уверял его, что таблички на витринах составляет одна только Франческа. Зато Лаура даже головы не повернула, ее не интересовали эти более или менее ритуальные приступы гнева. Она прилаживала к волосам, то так, то эдак черный пластмассовый гребешок. Присев на корточки, она ловила свое отражение в стеклянной витрине, где были расставлены английские антикварные игрушки XVII века: дамы-толстухи, трехмачтовые шхуны, вырезанные ножом из ореховой скорлупы, крошечные, в один сантиметр высотой, соборы из букса или бука, а рядом такие же крошечные экипажики из Юры, на фоне баварских или вюртембергских пейзажей. Лаура встала и вытащила гребешок, затерявшийся в ее черных блестящих волосах. Ей было двадцать лет. Она была очень красива. Она носила льняную юбку бледно-зеленого цвета, которая в по-